

Василий Воронин
Минск

КНЯЖЕНИЕ ОЛЬГЕРДА В ВИТЕБСКЕ

У статті аналізується комплекс проблем, пов'язаних з князюванням Ольгерда у Вітебську, зокрема встановлено факт його княжіння у місті.

Ключові слова: Велике князівство Литовське, Ольгерд, Вітебськ, літописання.

В статье анализируется комплекс проблем, связанных с княжением Ольгерда в Витебске, в частности установлен факт его княжения в городе.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, Ольгерд, Витебск, летописание.

The article deals with the complex of the problems concerning reign of Olgerd in Vitebsk, in particular fact of its reigning in the city is established.

Key words: Grand Duchy of Lithuania, Olgierd, Vitebsk, annals.

В историографии давно уже утвердилась схема, согласно которой одним из основных путей вхождения восточнославянских («русских») земель в состав Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ) был династический брак. Собственно, примеров такого рода называют всего два: вокняжение Любарта на Волыни и Ольгерда в Витебске. Оба князя были сыновьями великого князя литовского Гедимина. Эти случаи многое объединяет, однако предметом специального рассмотрения в данной работе будет только правление Ольгерда в Витебском княжестве.

Говоря о вокняжении Ольгерда в Витебске, мы опираемся на два главных письменных источника. Первым является «Летописец великих князей литовских», вторым – «Родословие князей витебских». «Летописец» входит в состав большинства белорусско-литовских летописей и неплохо изучен. «Родословие» сохранилось в единственной копии, которая несколько раз публиковалась¹. По сообщению Т. Нарбута, который первым напечатал это короткое произведение, «Родословие» было помещено как приписка в конце рукописи Хроники Быховца.

Оба источника излагают историю вокняжения Ольгерда в Витебске по содержанию сходно, однако по своей стилистике существенно разли-

---

¹ Narbut T. Pomniki do dziejów litewskich. – Wilno, 1846. – S. 81; Сапунов А. П. Витебская старина. – Т. 1. – Витебск, 1883. – С. 517; Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). – Т. 32 / Под ред. Н. Н. Улащика. – М., 1975. – С. 173.

чаются. Так, в «Летописце» рассказ носит самый общий характер и не содержит ни имён витебского князя и его дочери, ни каких бы то ни было дат. Информация «Родословия» более детализирована. Именно отсюда мы узнаём имена витебского князя Ярослава Васильевича и его дочери Марии, а также даты: заключение брака между Ольгердом и Марией в 1318 г., смерть Ярослава Васильевича в 1320 г. и смерть Марии в 1346 г. в Вильно. Есть ещё сведения витебской городской хроники XVIII в., однако они носят компилятивный характер и крайне сбивчивы².

«Родословие» уже рассматривалось в исторической литературе, однако мнения исследователей об этом памятнике разделились. Так, Т. Василевский и Я. Тенговский скептически высказались относительно его подлинности³. «Родословию» посвящено специальное исследование Д. Домбровского⁴. Автор считает памятник ценным источником по княжеской генеалогии, однако относит его создание к позднему периоду, склоняясь к 50–70-м годам XVI в.⁵

Перечень витебских князей в «Родословии» начинается с крестителя Руси Владимира Святославича (в источнике ошибочно Игоревича), а заканчивается Ольгердом, которого, правда, автор не считает собственно витебским князем. Среди князей, указанных в этом перечне, лишь об Ольгерде можно сказать, что он действительно княжил в Витебске. О княжении в этом городе других лиц, названных в «Родословии», либо ничего не известно (как о Ярославе Васильевиче), либо они, строго говоря, не были витебскими князьями (как тот же Владимир Святославич). И вместе с тем, мы не находим в перечне князей, факт правления которых в Витебске известен по другим источникам и не может быть поставлен под сомнение. К примеру, нет здесь Давыда Ростиславича, который начал княжить в Витебске в 1165 г.⁶, Брючислава Васильковича, который упомянут как витебский князь в 1180 г.⁷, Михаила Константиновича, который был витебским князем

² Летопись Панцырного и Аверки // ПСРЛ. – Т. 32. – С. 194.

³ *Wasilewski T.* Trzy małżeństwa wielkiego księcia Litwy Olgierda // *Kultura średniowieczna i staropolska: Studia ofiarowane Aleksandrowi Gieysztorowi w pięćdziesięciolecie pracy naukowej.* – Warszawa, 1991. – S. 677; *Tęgowski J.* Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. – Poznań–Wrocław, 1999. – S. 48, 49.

⁴ *Dąbrowski D.* Radosłowie kniazey Wytebskich – analiza porównawcza treści // *Genealogia. Studia i Materiały Historyczne.* – Т. 14. – Poznań–Wrocław, 2002. – S. 31–69.

⁵ *Ibid.* – S. 68.

⁶ Ипатьевская летопись // ПСРЛ. – Т. 2. Изд. 2-е / Подг. к изд. А. А. Шахматов. – СПб., 1908. – Стб. 525.

⁷ Там же. – Стб. 620.

в конце XIII или в начале XIV в.⁸ Всё это заставляет более внимательно присмотреться к «Родословию».

Происхождение памятника неясно, однако вряд ли он был создан ранее XVI в., в чём можно согласиться с Д. Домбровским. Об этом говорит, в частности, указание годовых дат «от рождества Христова», что начало практиковаться в православно-русской письменности ВКЛ именно в XVI веке. Транслитерация текста на латинскую графику может указывать и на ещё более поздний период, а именно на XVII либо XVIII век, поскольку эта практика в то время была очень распространена. К тому же публикатор памятника Т. Нарбут отметил, что Родословие написано совершенно другим почерком, нежели Хроника Быховца. Вообще же в истории находки и введения в научный оборот «Родословия» много странного. Эти странности связаны в первую очередь с именем Теодора Нарбута. Нарбут получил рукопись Хроники Быховца в конце 1834 г.⁹ и с этого времени активно использовал её в своих трудах. Однако в своей статье «О именах жён великого князя литовского Ольгерда», которая впервые вышла в 1841 г., он отметил, что первая жена Ольгерда Мария «умерла в Вильно в самом конце первой половины XIV века»¹⁰. И это притом, что в «Родословии», которое Нарбут должен был знать, указан точный год – 1346. Непонятно, почему он его не указал, ограничившись более широкой датировкой. В указанной статье историк привёл и другие данные из биографии Марии: например, факт основания ею Пятницкой церкви в Вильно, где она якобы и была похоронена¹¹. Однако, указывая эти новые данные, Нарбут либо не называет своих источников, либо ссылается на какое-то «русское» (православное) евангелие XV в., которое являлось собственностью, по его словам, «некоего любителя местных исторических вещей». Имени этого любителя он, конечно же, не разглашает. Нарбут приводит несколько записей из этой книги. Одна запись посвящена смерти первой жены Ольгерда Марии: «Великая княжна Мария Ярославовна, усопше на память преподобного Илариона». Другая – смерти второй его жены Ульяны: «Великая княжна Юлиана Александровна, во святой схиме Мария, усопше на память свинтого апостола Семеона Зилота». Третья сообщает о смерти самого

⁸ См.: Русско-ливонские акты / Сост. К. Я. Напьерский (далее – РЛА). – СПб., 1868. – С. 26–28.

⁹ *Šalūga R. Bychovco kronika // Lietuvos TSR Mokslų Akademijos Darbai. Serija A. – Nr 1 (6). – 1959. – P. 150, 154; Narbut T. Pomniki do dziejów litewskich. – S. VI.*

¹⁰ *Narbut T. Pomniejsze pisma historyczne. – Wilno, 1856. – S. 83.*

¹¹ *Ibid.* В другом месте Нарбут утверждает, что известных виленских мучеников за веру крестил в православие Нестор, духовник Марии Витебской (S. 85).

Ольгерда: «Великий князь Ондрей Гедиминич, во святой схиме Алексий, усопше на память святых мучеников Платона и Романа». В четвёртой записи говорится о кончине Елены Ивановны, вдовы короля польского и великого князя литовского Александра¹². Нарбут отметил, что ни в одном из этих случаев год смерти не указан. Приведённые цитаты содержат ряд сведений, которые носят в лучшем случае легендарный характер и, кроме того, явно грешат многими неточностями и ошибками. Если же взглянуть на проблему более критично, то можно поставить под сомнение сам факт существования этой книги, следы которой до сих пор не удаётся отыскать. Как представляется, существуют две возможности решения этой проблемы. Первая состоит в том, что Нарбут действительно видел эту, нужно сказать, крайне сомнительную рукопись, но не смог распознать в ней поздний памятник либо вовсе подделку. Согласно второй возможности, рукопись и поминальные записи в ней являются плодом фантазии самого Нарбута. Нечто подобное можно сказать и о «Родословии князей витебских». Это мог быть поздний памятник, автор которого, кстати, знал «Летописец великих князей литовских», откуда, очевидно, и почерпнул сведения о княжении Ольгерда в Крево. Этот автор явно стилизовал свой труд под памятник древнерусской письменности, что выразилось, к примеру, в его начальной фразе: «А се ест(ь) родословие...». Вместе с тем, автор был хорошо знаком с языком канцелярии Великого княжества Литовского XVI века и использовал характерные для него выражения: например, «лета Божего нароженья». Однако более позднее слово «рок» для обозначения года встречается в «Родословии» намного чаще, чем «лето», что указывает скорее на XVII век как на время создания памятника. Нельзя совсем исключать и того, что авторство «Родословия» принадлежит Т. Нарбуту. Интересно, что и в цитированной записи евангелия, и в «Родословии» отчество Ольгерда написано нетипично и при этом совершенно одинаково: «Hedyminicz». Это вполне может указывать на руку Нарбута.

Вышесказанное даёт основание сделать некоторые выводы. Важнейшим из них является, пожалуй, тот, что к указанным в «Родословии» именам и датам (Ярослав Васильевич, Мария Ярославна, 1318, 1320, 1346 гг.) следует относиться с крайней осторожностью. Тем не менее, сам факт княжения Ольгерда в Витебске не может быть поставлен под сомнение, поскольку об этом говорит целый ряд независимых источников. Вряд ли можно оспаривать и то, что Ольгерд получил Витебск в результате женитьбы на витебской княжне. Дополнительного изучения требуют лишь обстоятельства, которые сопутствовали этим событиям.

¹² Ibid. – S. 83. У Нарбута записи переведены на латинскую графику, в данной же статье предложена обратная их транслитерация.

При всей бедности источников по истории Витебского княжества конца XIII – начала XIV вв. всё же можно с достаточной уверенностью утверждать, что в данный период Витебщина находилась под сильным влиянием сначала смоленских, а затем литовских князей. По всей видимости, именно из смоленской династии происходил один из последних витебских князей Михаил Константинович. В его время литовские дружины весьма вольготно чувствовали себя на Витебщине. Так, литовская «рать» могла спокойно стоять под Витебском, а купцы могли в этом лагере купить себе «девкы»¹³. По всей видимости, это был «полон», взятый во время походов на русские земли. На территории Витебского княжества литовцы также занимались грабежом. Например, во время княжения того же Михаила Константиновича они ограбили немецких купцов, когда те ехали в Смоленск¹⁴. Судя по всему, литовцы практически беспрепятственно проходили по территории княжества, направляясь в походы на земли Великого Новгорода и Северо-Восточной Руси.

Вокняжение Ольгерда в Витебске следует рассматривать как результат этого военного давления литовцев. Теория добровольного, через династический брак перехода города под власть литовского князя противоречит некоторым фактам. Так, в частности, известно, что во время своего витебского княжения Ольгерд оставался язычником. В статье за 1341 г. псковские летописи недвусмысленно говорят о том, что Ольгерд на тот момент не был крещён¹⁵. Это прямо противоречит общепринятой практике крещения литовских князей при занятии ими княжеских столов на Руси – разумеется, если речь идёт о тех случаях, когда их приглашали на княжение местные жители. Язычниками были также сыновья Ольгерда, рождённые в браке с витебской княжной. Правда, вполне возможно, что православной была дочь Ольгерда и его первой жены Агриппина (Огрофена), которая в октябре 1352 г. вышла замуж за суздальско-нижегородского князя Бориса Константиновича¹⁶. Во всяком случае, русские летописи не сообщают о её крещении перед замужеством, как они это обычно делают в отношении литовских княжон-язычниц, которые выходили замуж за русских князей. Однако нельзя быть абсолютно уверенным в том, что русские летописцы указывали факт крещения во всех случаях без исключения. Кроме того, не исключено, что уже тогда была в ходу практика,

¹³ РЛА. – С. 26.

¹⁴ Там же. – С. 27.

¹⁵ Псковские летописи / Подг. к печ. А. Н. Насонов (далее – ПЛ). – Вып. 1. – М.-Л., 1941. – С. 19; Там же. – Вып. 2. – М., 1955. – С. 25, 96.

¹⁶ Рогожский летописец // ПСРЛ. – Т. 15. Изд. 2-е. – Вып. 1 / Подг. к изд. Н. П. Лихачёв. – Петрозаводск, 1922. – Стб. 61.

по которой в смешанных браках сыновья придерживались веры отца, а дочери – религии матери.

Судя по всему, вокняжение Ольгерда в Витебске произошло при гораздо более сложных обстоятельствах, чем это рисуют дошедшие до нас поздние источники. Вариант с военным давлением литовцев на Витебск, результатом которого и стал приход Ольгерда к власти в этом городе, вовсе не противоречит возможности заключения его брака с местной княжной. Среди прочего, такой брак создавал видимость добровольного признания витеблянами власти литовского князя, узаконивал эту его власть и щадил чувства его новых подданных. Все перечисленные факторы имели немаловажное значение с точки зрения дальнейшего сотрудничества витеблян со своим новым князем.

В связи с историей вокняжения Ольгерда в Витебске стоит обратить внимание на волынскую ситуацию, которую «Летописец великих князей литовских» представляет очень сходным образом. Мы также не находим здесь ни имён князя и его дочери, ни дат событий. Ещё в историографии XIX в. было высказано предположение, согласно которому за Любарта выдал свою дочь владими́ро-волынскій князь Андрей Юрьевич¹⁷, умерший не позднее 1324 г. На сегодняшний день эта версия господствует. Между тем, строго говоря, она до сих пор остаётся гипотезой, поскольку надёжных доказательств этому в источниках нет, что также было отмечено в литературе¹⁸. Тем не менее, Любарт на самом деле был одним из претендентов на Волынскую и Галицкую земли во время династических кризисов, которые разразились здесь в связи со смертью местных князей в 1324 и 1340 гг. И скорее всего, эти его претензии действительно основывались на родстве с последними галицко-волынскими князьями по женской линии. Однако путь Любарта на Волынь был долгим и очень непростым. Несмотря на вероятный брак с волынской княжной, этот сын Гедими́на, судя по всему, продолжительное время оставался вообще без удела. После 1340 г. ему пришлось вести долгую борьбу, прежде чем он смог утвердиться в волынском регионе. Вышесказанное ещё раз подчёркивает тот схематизм и те многочисленные упрощения, которые допустил автор «Летописца» при изложении рассматриваемых событий. Другие источники показывают, что в действительности эти события носили гораздо более сложный характер. Впрочем, тенденциозность «Летописца великих князей литовских» – это уже давно выясненный факт.

---

¹⁷ См.: *Филевич И. П.* Борьба Польши и Литвы-Руси за галицко-владимирское наследие. – СПб., 1890. – С. 43.

¹⁸ *Иванов П. А.* Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времён до конца XIV века. – Одесса, 1895. – С. 221.

В своё время Т. Василевский сделал попытку пересмотреть общепринятое мнение, согласно которому Ольгерд был женат дважды: первым браком на Марии Витебской, а вторым на Ульяне Тверской. По предположению польского учёного, в действительности Ольгерд заключал брак три раза. Первой его женой якобы была неизвестная нам по имени литовка-язычница, второй витебская княжна, которую звали Анна, а третьей – тверская княжна Ульяна¹⁹. Согласно выкладкам Т. Василевского, первые пять сыновей Ольгерда были детьми именно литовки, витебская княжна детей не оставила, а остальных семерых сыновей родила Ольгерду Ульяна Тверская. Польский учёный основывался на том, что ряд источников называет жену Ольгерда Анной. Это, в частности, «Сказание о Мамаевом побоище», где мачеха Андрея и Дмитрия Ольгердовичей действительно названа Анной²⁰. Имя Анны, как якобы звали жену Ольгерда, упоминается также в белорусско-литовских летописях. К их числу относятся Евреиновская летопись²¹, «Хроника Литовская и Жмойтская»²², а также Хроника Быховца, где сначала было написано имя Анна, а затем оно было зачёркнуто и исправлено на «Мария»²³. Однако аргументация Т. Василевского не убеждает. Нетрудно заметить, что все указанные памятники белорусско-литовского летописания относятся к поздним редакциям и были созданы не ранее 2-й половины XVI века. Кроме того, соответствующие фрагменты летописей переполнены разного рода несуразностями: ошибками, описками, неточностями и т. д. И, наконец, можно с достаточной уверенностью говорить о том, что в своей информации об Анне все эти летописи в конечном итоге восходят к тому же «Сказанию о Мамаевом побоище». Само «Сказание» было хорошо известно на белорусско-литовских землях²⁴ – причём именно в той редакции, где Анна упоминается как мачеха Андрея и Дмитрия Ольгердовичей²⁵. Однако «Сказание» вообще нельзя рассматривать в качестве авторитетного источника для изучения семейных связей Ольгерда. Оно содержит ряд серьёзных ошибок и много неточностей. Кроме того, его автор, как из-

¹⁹ *Wasilewski T.* Op. cit. – S. 679.

²⁰ Сказания и повести о Куликовской битве / Подг. к изд. Л. А. Дмитриев и О. П. Лихачёва. – Л., 1982. – С. 90, 114, 215, 239.

²¹ Евреиновская летопись // ПСРЛ. – Т. 35 / Под ред. Н.Н. Улащика. – М., 1980. – С. 223.

²² Хроника Литовская и Жмойтская // ПСРЛ. – Т. 32. – С. 51.

²³ Хроника Быховца. – С. 141.

²⁴ Книга о побоищи Мамаея, царя татарского, от князя владимерского и московского Димитрия // Беларускія Александрыя, Троя, Трышчан...: перакладная белетрыстыка Беларусі XV–XVII стст. / Уклад. А. Бразгуноў. – Мінск, 2009. – С. 216–236.

²⁵ Там же. – С. 225.

вестно, очень вольно обходился с именами и хронологией. Так, по «Сказанию», в союзе с Мамаем против Москвы воевал Ольгерд. Однако в действительности союзником татарского темника в 1380 г. был Ягайло.

В примечаниях к новейшему изданию памятников Куликовского цикла Б. М. Клосс, как представляется, вполне обоснованно отверг версию «Сказания» о крещении князей Андрея и Дмитрия от мачехи²⁶. Правда, здесь же он впал в другую ошибку, утверждая, будто эти Ольгердовичи были крещены своей матерью, витебской княжной. Однако обстоятельства крещения по крайней мере Андрея хорошо известны: он принял христианскую веру в Пскове в 1341 г. по настоянию своего отца Ольгерда с тем, чтобы стать местным князем. Таким образом, к крещению по крайней мере Андрея Ольгердовича женщины не имели ровно никакого отношения. В этом состоит ещё одна ошибка «Сказания».

В известном альбоме гравированных портретов представителей рода Радзивиллов, который подготовил к печати и в 1758 г. издал Гирш Лейбович, мы находим любопытную гравюру, которая имеет отношение к нашему сюжету. На гравюре изображена немолодая уже женщина в богатом наряде, а помещённая под портретом латинская подпись содержит ряд сведений о ней. Из этой надписи мы узнаём, что на портрете представлена Овка-Пракседа, витебская княгиня герба Святого Георгия, которая ведёт своё происхождение от великих князей русских. Что она якобы доводится родственницей жёнам Ольгерда и Кейстута и что в 1364 г. сама вышла замуж за известного вельможу Войшунда I, называемого Радзивиллом²⁷. Однако внезапное появление этой витебской княгини из глубины веков в середине XVIII в. следует безоговорочно отнести к генеалогическим измышлениям Радзивиллов. Витебская княгиня Овка-Пракседа является легендарной фигурой, а Войшунд хотя и существовал, однако не имел отношения к происхождению этого знаменитого магнатского рода²⁸.

К сожалению, источники не позволяют дать обоснованный ответ на вопрос о том, в каком году Ольгерд вступил на витебский княжеский трон. Тем не менее, есть основания считать, что он стал витебским князем не позднее 20-х гг. XIV в. Об этом говорит хотя бы возраст его старших детей от витебской княжны²⁹. Так, Андрей Ольгердович в 1341 г. был уже достаточно взрослым, чтобы его избрали псковским князем. Исходя из этого, Андрей родился, по всей вероятности, в 1320-х гг. Правление Оль-

²⁶ Памятники Куликовского цикла / Под ред. В. А. Кучкина. – СПб., 1998. – С. 213.

²⁷ *Icones Familiae Ducalis Radivilianae*. Editio 2-ndo. – Petropoli, 1875. – Nr 2.

²⁸ *Antoniewicz M. Protopłaści książąt Radziwiłłów. Dzieje mitu i meandry historiografii.* – Warszawa, 2011. – S. 30, 83, 313.

²⁹ Vide: *Tęgowski J.* Op. cit. – S. 50–51.

герда в Витебске было достаточно продолжительным и ознаменовалось целым рядом важных событий в истории этого города и княжества.

В хронике М. Стрыйковского мы находим указание на то, что Ольгерд перенёс столицу своего княжества из Витебска в Усвят³⁰. Несмотря на поздний характер этого сообщения, оно, как кажется, заслуживает внимания. Вообще Усвят известен с 1021 г., когда великий князь киевский Ярослав Мудрый передал этот населённый пункт полоцкому князю Брячиславу. С этого времени он находился в пределах Полоцкой земли. После обособления витебского удела Усвят, очевидно, перешёл к витебским князьям. Позднейшие письменные источники зафиксировали в районе Усвята несколько городищ, причём «старое городище Усвято» несколько раз упоминается в московских писцовых книгах за 1571 г.³¹. Городище стало называться «старым», очевидно, после того, как москвичи построили здесь новую крепость в 1566 году. Не исключено, что Ольгерд с женой жил в Усвяте до смерти своего тестя, витебского князя³². Географическое расположение Усвята было достаточно удобным для того, чтобы внимательно следить за ситуацией в этой части Руси, устанавливать необходимые связи и набираться опыта. Уже тогда Ольгерд мог вмешиваться в дела данного региона.

Возможно, делом Ольгерда как витебского князя был поход на новгородскую волость Ловать в 1323 г.³³. Ряд летописей говорит также о походе литовцев на Луки (Великие Луки) в 1324 г.³⁴. Однако не исключено, что в обоих этих сообщениях отражено одно и то же событие, поскольку речь идёт об одном районе, да и результат походов (похода) был один – литовцы были разбиты. Очень вероятно, что эти неудачные действия литовских дружин подтолкнули великого князя Гедимина к заключению мира с Новгородом в 1326 г.³⁵. В 1333 г. новгородцы приняли на княжение Наримонта-Глеба Гедиминовича. Несмотря на то, что это был вынужденный шаг с их стороны, тем не менее, он позволил ещё на какое-то время продлить мирные отношения между городом на Волхове и Великим княжеством Литовским. Урегулировав таким образом отношения с Новгородом, Гедимин и его соратники, среди которых важное место при-

³⁰ *Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi.* – Т. 2. – Warszawa, 1846. – С. 433.

³¹ Писцовые книги Московского государства. – Ч. 1. – Отд. 2 / Под ред. Н. В. Калачова. – СПб., 1877. – С. 556, 557, 561.

³² *Сапунов А. П.* Витебская старина. – Т. 1. – Витебск, 1883. – С. 564.

³³ НПЛ. – С. 97, 339.

³⁴ Симеоновская летопись // ПСРЛ. – Т. 18. – СПб., 1913. – С. 89.

³⁵ НПЛ. – С. 341.

надлежало сыновьям, переключились на другое направление – северо-восточное.

Возможно, именно деятельности Ольгерда следует приписать основание на территории скромного Ржевского княжества в верховьях Волги нескольких городов: Осеченя, Рясны и других, – которые в русских летописях фигурируют как литовские городки³⁶. Во всяком случае, ржевское княжество в 20–30-х годах XIV века находилось в явной зависимости от литовских князей. Неслучайно местный князь, представитель смоленской династии Фёдор Святославич был одним из послов Гедимина при заключении мирного договора с Новгородом в 1326 году. Всё указывает на то, что небольшое Ржевское княжество стало своего рода центром влияния литовских князей Гедимина и Ольгерда в данном районе Руси, где так удачно сходились владения Смоленска, Новгорода и Твери. Интересно, что много позже, зимой 1359/1360 года полоцкий князь Андрей Ольгердович, под властью которого находился и Витебск³⁷, уже попросту захватил Ржеву. А в скором времени сам великий князь литовский Ольгерд, по приказу которого Андрей совершил этот захват, приезжал «Ржевы смотрити».

Мир, который Великое княжество Литовское в 1326 г. заключило с Новгородом, оказался не слишком прочным. Уже в 1335 г. неназванная более конкретно русскими летописями «литва» напала «на миру» на владение новгородцев – новоторжскую волость. В ответ великий князь Иван Данилович (Калита), который как раз в это время находился в Новгороде, послал своих воевод и «пожже» указанные выше «городки литовский»³⁸. В силу того, что сообщение носит общий характер, трудно судить, какая именно «литва» грабила новоторжскую волость, однако это вполне могли быть дружины Ольгерда. Этот поход был вызван, вероятнее всего, отъездом Наримонта из Новгорода, который, в свою очередь, был спровоцирован визитом в город Ивана Калиты³⁹.

С деятельностью Ольгерда в Витебске связано возведение здесь каменного замка – вероятно, после пожара, который произошёл в 1335 г.⁴⁰. О том, что каменные укрепления Верхнего замка в Витебске построил именно Ольгерд, писал уже М. Стрыйковский⁴¹. С XIV веком связывают

³⁶ Там же. – С. 343; Типографская летопись. – С. 116.

³⁷ Данилевич В. Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия. – Киев, 1896. – С. 175.

³⁸ НПЛ. – С. 343; Типографская летопись. – С. 116.

³⁹ Ср.: Krupa K. Książęta litewscy w Nowogrodzie Wielkim do 1430 roku // Kwartalnik Historyczny. – 1993. – R. 100. – S. 33.

⁴⁰ НПЛ. – С. 346.

⁴¹ Strykowski M. Op. cit. – S. 14.

строительство каменных укреплений в этом городе также современные белорусские археологи⁴² и историки архитектуры⁴³. Согласно другому сообщению М. Стрыйковского, Ольгерд построил в Витебске «по греческому образцу» две каменные церкви, одна из которых находилась в Нижнем замке, а вторая «в поле за ручьём». Знаменитый хронист, в течение трёх лет служивший в витебском гарнизоне, утверждал также, что в 1573 г. собственными глазами видел в алтаре древней церквушки, которая находилась в Верхнем замке, портреты Ольгерда и его жены, витебской княжны. Эту первую жену Ольгерда М. Стрыйковский постоянно называет Ульяной, очевидно, путая с его второй женой, Ульяной Тверской. По описанию хроники, портрет Ольгерда был написан «*pro staroświecku*», на греческий манер, в длинном плаще⁴⁴.

В день Всех Святых 1338 года великий князь литовский Гедимин заключил с властями Ливонии 10-летний договор о перемирии и условиях торговли. Среди прочего, этот договор был подписан «с согласия епископа Полоцка, короля и города Полоцка и короля Витебска и города Витебска»⁴⁵. По именам эти «короли» в документе не названы, однако в них следует видеть двух сыновей Гедимины: Наримонта-Глеба и Ольгерда. Среди прочего, стоит отметить заинтересованность Витебска и его князя в торговле с Ливонией. Очевидно, именно о мире 1338 г. идёт речь в подтвердительной договорной грамоте великого князя смоленского Ивана Александровича с властями Ливонии. В ней смоленский князь отмечает: «докончаль есмь по тому докончанью, како то брат мои стареишии Кедимень докончаль и его дети Глебъ и Алкердь...»⁴⁶. Характерно, что сын Гедимины Наримонт назван здесь своим христианским именем, тогда как Ольгерд фигурирует под языческим. Это ещё один довод в пользу того, что во время своего витебского княжения Ольгерд не был крещён.

Насколько позволяют судить сохранившиеся источники, активность Ольгерда на Руси особенно усилилась в начале 40-х годов. Летом 1341 г. Ольгерд откликнулся на просьбу псковичей, которые в тот момент остались без поддержки Новгорода и в одиночку пытались защитить свои земли от вторжения ливонских немцев. Причём псковский летописец особо

⁴² Левко О. Н. Средневековые территориально-административные центры северо-восточной Беларуси: Формирование и развитие. – Минск, 2004. – С. 99.

⁴³ Кушнярэвіч А. М. Мураваная дабастыённая фартыфікацыя Вялікага Княства Літоўскага. – Мінск, 2011. – С. 87, 116, 118.

⁴⁴ *Strykowski M.* Op. cit. – S. 14, 58.

⁴⁵ Послания Гедимины / Подг. к печ. В. Т. Пашуто и И. В. Шталь. – Вильнюс, 1966. – С. 194–195.

⁴⁶ Смоленские грамоты XIII–XIV веков / Подг. к печ. Т. А. Сумникова и В. В. Лопатин. – М., 1963. – С. 70, 71.

отметил, что псковичи направили своих послов к Ольгерду «в Витебско». Ольгерд смог быстро собрать войско, «подъим брата своего Кестуита и мужии своих литовь[ни]ковъ и мужии видьблян», и 20 июля прибыл во Псков. Братья-Гедиминовичи пришли Пскову на помощь, но так и не решились вступить в крупную битву с немцами. Причиной, по всей видимости, была добытая от языка информация о том, что немцы имеют «силу велику». Кроме того, Ольгерд с Кейстутом не имели серьёзного стимула вступать в битву с немцами из-за Пскова, поскольку для них это был всё-таки чужой город, ради которого не стоило рисковать своим войском. Псковичи это хорошо понимали и предложили Ольгерду креститься и остаться в Пскове на княжение. Однако последовал отказ. Своеобразный компромисс был достигнут, когда Ольгерд приказал креститься своему сыну Андрею, которого Псков и принял в качестве князя. Расчёт псковичей был на то, что могущественный Ольгерд не оставит своего сына и в дальнейшем будет им помогать⁴⁷. Судя по всему, Андрей в тот момент был ещё очень молодым человеком или вовсе подростком. Во всяком случае, летописец говорит о нём как о явно несамостоятельной фигуре.

Крайне любопытным представляется замечание Псковской первой летописи относительно имени Андрея. В начале своей повести о походе Ольгерда на Псковщину летописец отмечает, что Андрей носил это имя ещё до принятия крещения в Пскове: «так о бо бяше имя ему молитвенное, а еще бе не крещень»⁴⁸. Из цитаты следует, что своё христианское имя Андрей сын Ольгерда получил именно для того, чтобы его можно было упоминать в молитвах к христианскому Богу. Такие молитвы за него могли возносить, в частности, его родственники-христиане, и в первую очередь мать. Несмотря на это, Андрей оставался язычником – как и его отец.

Важным является и ещё одно указание, которое читается только в Псковской второй летописи. Под тем же 1341 г. упомянутый источник сообщает, что вскоре после того, как Андрей Ольгердович был посажен на псковское княжение, он «поеха изо Пскова в Литвою къ отцю своему»⁴⁹. В середине XIV в. псковичи ещё не называли Витебск Литвой и чётко их различали. По всей видимости, во время своего витебского княжения Ольгерд проводил часть времени в Литве – например, в том же Крево.

Уже в скором времени после псковской экспедиции, в октябре 1341 г. Ольгерд совершил поход на московский Можайск. По всей видимости, этот поход был совершён в порядке помощи смоленскому князю Ивану,

⁴⁷ ПЛ. – Вып. 1. – С. 18–19; Там же. – Вып. 2. – С. 24–25, 95–96.

⁴⁸ Там же. – Вып. 1. – С. 18.

⁴⁹ Там же. – Вып. 2. – С. 25.

с которым Ольгерд поддерживал хорошие отношения. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в обоих этих случаях Ольгерд действовал как вполне самостоятельный правитель. От походов по русским землям его не удержало даже то, что именно в это время его отец, великий князь литовский Гедимин вёл ожесточённую борьбу с немцами, в ходе которой в конце 1341 г. он и сложил свою голову. Эту свою независимую линию поведения Ольгерд продолжил и позднее. Однако поход на Ливонию, который Ольгерд вместе с Кейстутом совершили в 1343 году⁵⁰, скорее всего, был результатом приказа великого князя Явнута. Ему пришлось тогда с большим напряжением сил оборонять литовские земли от мощнейшего крестоносного войска, во главе которого стояли короли Чехии и Венгрии.

«Летописец великих князей литовских» сообщает, что во время государственного переворота 1345 г., спланированного Кейстутом и Ольгердом, последний находился на пути из Витебска и не участвовал в решающих событиях. Конечно, полностью исключить эту версию нельзя, однако следует иметь в виду тенденциозность «Летописца», который все лавры за это удачно проведённое мероприятие возложил на голову Кейстута. В этом нет ничего удивительного в связи с тем, что написание «Летописца» было инспирировано Витовтом, сыном Кейстута. В действительности события 1345 г. могли происходить несколько иначе⁵¹. К сожалению, мы можем только догадываться об этом. Тем не менее, обращает на себя внимание то обстоятельство, что гонец, посланный Кейстутом к Ольгерду с целью сообщить ему об удачном перевороте, застал последнего в Крево. Не здесь ли Ольгерд копил свои силы и готовился к решающему походу на Вильно? Вообще же, изложенная «Летописцем» версия государственного переворота не лишена странностей. Так, например, автор «Летописца» сообщает, что братья заблаговременно назначили срок нападения на Вильно: «И смовивши между собою и рок учинили, которого бы дня к Вилни пригнати и засести город под братом, великим князем Евнутъемь». Однако, по утверждению источника, к этому заблаговременно назначенному сроку Ольгерд якобы просто опоздал. Зная личные качества Ольгерда и учитывая исключительную важность момента, в такое объяснение верится с большим трудом. В связи с этим возникает и другой вопрос: действительно ли переворот был совершён силами одного лишь Кейстута, как того хочет автор «Летописца»? В связи с этим обращает на

⁵⁰ Die Chronik Wigands von Marburg / hrsg. von T. Hirsch // *Scriptores Rerum Prussicarum*. – Bd. 2. – Leipzig, 1863. – P. 502.

⁵¹ См., напр.: *Nikodem J. Zegnanie Jawnuty ze stolca wielkoksiążęcego w 1345 r. // Zamach stanu w dawnych społecznościach / red. A. Sołtysiak, przy współpracy J. Olko*. – Warszawa, 2004. – S. 372–374.

себя внимание сообщение русских летописей, которое приблизительно синхронно описываемым событиям. В целом ряде сводов под 1345 г. читаем: «Того же лета створися в Литве замытня велика: изгони город Вилно Алгердь с братом Кестутиемъ...»⁵². Как видно, захват Вильно приписан здесь не одному брату, а обоим, причём Ольгерд поставлен на первое место.

Витебское княжение стало важным этапом карьеры Ольгерда – этапом, который непосредственно предшествовал его приходу к власти в Великом княжестве Литовском. Однако и после 1345 г. Ольгерд, по всей видимости, ещё некоторое время никому не передавал Витебск и управлял им как своим личным владением. В данный период он очень внимательно следил за ситуацией в этом регионе и в случае необходимости решительно вмешивался в события. Судя по всему, в свою бытность витебским князем Ольгерду доводилось серьёзно конфликтовать с новгородцами. Поводы к конфликтам могли быть самые разные: от условий торговли до территориальных споров. Вполне возможно, что Ольгерд прибирал к рукам пограничные новгородские земли или же строил замки на севере своих витебских владений. К числу таких замков вполне могло принадлежать Озерище, основанное как раз в XIV веке⁵³. Вероятно, за эти или за какие-то другие, враждебные по отношению к Новгороду действия посадник Остафий Дворянинец прилюдно назвал Ольгерда псом. В результате, уже будучи великим князем литовским, Ольгерд в 1346 г. во главе большого войска совершил поход на южные окраины Новгородской земли «и взя Шелону и Лугу на щить, а с Порховьского городка и съ Опоки взя окупъ»⁵⁴. Этот окуп составил очень значительную сумму – 300 рублей⁵⁵. Вообще же, Дворянинец, очевидно, принадлежал к «антилитовской» партии Новгорода. Так, ещё в 1326 либо 1327 году, в скором времени после того, как Новгород заключил мир с Гедимином, новгородцы «пограбиша дворъ Остафьевъ Дворянинцевъ и пожгоша в(е)сь»⁵⁶. Связь между этими событиями несомненна. Достаточно сказать, что в Новгородской первой летописи сообщения о них соседствуют, хотя и помещены под разными годами: первое заканчивает 6834 год, а второе начинается 6835 год. Судя

⁵² НПЛ. – С. 358; Софийская первая летопись // ПСРЛ. – Т. 5. – СПб., 1851. – С. 224; Воскресенская летопись // ПСРЛ. – Т. 7. – СПб., 1856. – С. 209.

⁵³ Ляўко В. М. Замак Езярышча // Помнікі мастацкай культуры Беларусі: Новыя даследаванні: Зборнік артыкулаў. – Мінск, 1989. – С. 182; *Её же*. Средневековые территориально-административные центры северо-восточной Беларуси: Формирование и развитие. – С. 114–115.

⁵⁴ НПЛ. – С. 358.

⁵⁵ Софийская первая летопись. – С. 225.

⁵⁶ НПЛ. – С. 98, 341.

по всему, Дворянинец был противником этого договора и, вероятно, мешал его заключению – за что и поплатился. В 1346 г. события закончилась для Остафия и вовсе трагично. Разъярённые разграблением волостей новгородцы созвали вече и убили там своего несдержанного в речах посадника. Как видно, Ольгерд был хорошо информирован о новгородских делах. Со всей определённостью можно утверждать, что там у него тоже были свои «доброхоты». Кроме всего прочего, по этому случаю видно, что Ольгерд не терпел обид и оскорблений.

Повествуя о походах Ольгерда в витебский период его жизни, русские летописи очень часто говорят о том, что его войско состояло из «литвы». Только иногда они называют также витеблян. Несмотря на это, витебляне, скорее всего, ходили в походы Ольгерда постоянно: иного невозможно ожидать от войска витебского князя. Вместе с тем, стоит более пристально присмотреться к тому факту, что военные силы Ольгерда были укомплектованы также из значительного числа литовцев.

Ольгерд пришёл на княжение в Витебск, разумеется, не один. Его окружали соплеменники разных рангов – и, судя по всему, достаточно многочисленные. Однако за время долгого княжения в Витебске и многочисленных военных походов этот слой неизбежно должен был размываться. А Ольгерд постоянно нуждался в пополнении своих людских ресурсов, и в наибольшей степени он нуждался в воинах. В связи с этим стоит напомнить, что Ольгерд стоял ещё во главе небольшого Кревского княжества, которое он получил от отца, великого князя Гедимина. Ольгерд владел этим княжеством и в свою бытность в Витебске. Именно из района Крево он и мог набирать свою воинственную «литву». Кстати, в современной историографии наиболее вероятной признаётся версия, согласно которой каменный замок-кастель в Крево построил именно Ольгерд⁵⁷. Замечено также, что каменные укрепления в Витебске и Крево имеют ряд сходных черт и датируются приблизительно одним временем⁵⁸.

В витебском областном привилеее редакции 1503 г. есть пункт, который привлекает особое внимание. Король польский и великий князь литовский Александр обещал витеблянам: «такъже котории будутъ литвинь або ляхъ крещены были у Витебску въ рускую веру, а хто изъ того роду и тепере живеть, того намъ не рушити, права ихъ хрестияньского ни въ чомъ не ломити...»⁵⁹. Этот пункт не читается ни в одной из прочих уставных

⁵⁷ Дзярновіч А. Крэўскі замак // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. – Т. 2. – Мінск, 2006. – С. 159.

⁵⁸ Кушнярэвіч А. М. – Ук. соч. – С. 86, 87.

⁵⁹ Акты, относящиеся к истории Западной России (далее – АЗР). Т. 2 / подг. к изд. И. И. Григорович. СПб., 1848. – С. 353.

грамот землям Великого княжества Литовского: его нет в волинской и киевской грамотах⁶⁰, нет в новогрудской⁶¹ и смоленской⁶². Его нет также в полоцкой грамоте, с которой витебская имеет много общего⁶³. Таким образом, цитированное положение носит индивидуальный характер. Вероятнее всего, литовцы и поляки, которые со временем приняли православное крещение, появились в Витебске именно во времена Ольгерда. Литовцы составляли окружение Ольгерда, когда тот прибыл в Витебск. Очевидно, часть из них так и осела в этом городе, не вернувшись на родину вместе со своим соотечественником-князем. Что касается поляков, то это были, скорее всего, пленные, приведённые тем же Ольгердом. В частности, известно, что в 1336 г. группа литовских князей, в том числе Ольгерд, Кейстут и Любарт совершила поход на Мазовию⁶⁴. О новых походах литовцев на Мазовию – правда, уже без указания имён их вождей – источники говорят также под 1337 и 1340 гг.⁶⁵ Во всех этих случаях сообщается о большом количестве людей, уведённых ими в плен. Например, в 1336 г. пленных было более 1.200 человек. Если некоторые поляки и литовцы, осев в Витебске, приняли православие, то были среди них и те, которые придерживались католичества. Поляки попросту сохранили свою старую веру, а литовцы приняли западное христианство во времена Ягайло и Витовта. В 1494 и 1503 гг. великий князь Александр издал привилеи витебскому парафиальному костёлу⁶⁶, причём в этих привилеях он прямо ссылается на аналогичные документы своих предшественников, великих князей литовских. Таким образом, католическая община в Витебске существовала к тому моменту уже долгое время и занимала здесь определённые позиции. Косвенное подтверждение этому находим в сообщении о посещении Витебска Иеронимом Пражским в 1413 г. Там, в частности, говорится о том, что великого князя Витовта, в свите которого находился Иероним, встречали не только монахи местного францисканского монастыря, но и просто христиане-католики⁶⁷. Конечно, это могли

⁶⁰ См.: *Ващук Д.* «Абыхмо деръжали ихъ подле права ихъ земли» (Населення Київщини та Волині і великокнязівська влада в XV–XVI ст.). – Київ, 2009. – С. 269–291.

⁶¹ *Жемайтис С. Г.* Привилей Новогрудской земле 1440 г. // Рукописные памятники. Публикации и исследования. – Вып. 4. – СПб., 1997. – С. 221–223.

⁶² АЗР. – Т. 1. – СПб., 1846. – С. 360–363.

⁶³ См.: *Макараў М. Дз.* Ад пасада да магдэбургіі: прававое становішча насельніцтва местаў Беларускага Падзвіння ў XIV – першай палове XVII ст. – Мінск, 2008. – С. 155.

⁶⁴ *Dlugossius I.* Historiae Polonicae libri XII // Opera omnia. – Т. XII. – Cracoviae, 1876. – P. 172.

⁶⁵ Ibid. – P. 179, 198.

⁶⁶ *Kodeks Dyplomatyczny Katedry i Diecezji Wileńskiej (porro – KDKDW).* – Т. 1 / wyd. J. Fijałek i Wł. Semkowicz. – Kraków, 1932. – S. 477–478, 661–664, 672–676.

⁶⁷ *Сапунов А. П.* – Витебская старина. – Т. 1. – Витебск, 1883. – С. 627–628.

быть представители великокняжеской администрации Витебска, однако совсем не исключено, что речь шла также и о местных жителях.

В числе первых католических костёлов, которые Ягайло уже в 1387 г. основал на территории Великого княжества Литовского, был костёл в Обольцах⁶⁸ (теперь деревня в Толочинском районе Витебской области). Данный факт исследователи уже давно и обоснованно связывают с существованием в этой местности значительного анклава литовского населения, следы которого зафиксированы целым рядом источников XV–XVI вв. В литературе высказывалось предположение о том, что этот анклав также возник в результате деятельности Ольгерда⁶⁹. Однако существуют и другие мнения на этот счёт. Высказывались доводы в пользу того, что местное балтское население сохранилось ещё с родоплеменной эпохи⁷⁰. При рассмотрении возможной связи между возникновением оболецкого анклава и деятельностью Ольгерда как витебского князя следует учитывать и по крайней мере ещё одно обстоятельство. Несмотря на мнение М. К. Любавского⁷¹, которое вот уже более ста лет преобладает в науке, на сегодняшний день не существует надёжных доказательств того, что район Оболец когда-либо входил в состав Витебского княжества. Обольцы лежат всего в 30 км от Друцка, который также был центром значительного княжества. Вполне возможно, что именно к Друцку они и относились. А если это так, то Ольгерд в свою бытность витебским князем, очевидно, не имел никакого отношения к возникновению упомянутого этнического анклава. Ко всему прочему, этнические и другие компактные группы военнослужилого населения селили, как правило, поблизости от мобилизационного центра, каковым была столица княжества. Обольцы же отстоят от Витебска примерно на 70 км, что достаточно далеко.

Факт княжения Ольгерда в Витебске ещё долгое время был отлично известен в Великом княжестве Литовском. Причём это касалось не только Подвинья, но и всего государства: как властей, так и подданных. Об этом ярко свидетельствуют, в частности, документы времён короля польского и великого князя литовского Казимира Ягеллончика⁷², – внука Ольгерда, который унаследовал многие таланты своего знаменитого деда.

⁶⁸ KDKDW. – Т. 1. – S. 18–19; Długosz J. Roczniki czyli Kroniki Sławnego Królestwa Polskiego. – Ks. 10. – Warszawa, 1981. – S. 214.

⁶⁹ Насевіч В. Л. Абольцы // Энциклапедыя гісторыі Беларусі. – Т. 1. – Мінск, 1993. – С. 15.

⁷⁰ Ochmański J. Ludność litewska we włości Obolce na Białorusi Wschodniej w XIV–XVI wieku // Acta Baltico-Slavica. – 1967. – Т. 5. – S. 153, 157.

⁷¹ Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства. – М., 1892. – С. 122, 124.

⁷² Беларускі архіў. – Т. 2 / падр. Зьм. Даўгяля. – Менск, 1928. – С. V, 41.

Olgierd's reign in Vitebsk

Olgierd (Algirdas) figured in history as one of the most prominent and successful grand dukes of Lithuania. Indeed, this man was endowed with many talents acknowledged even by his opponents. However, the climb of Olgierd to supreme power in the Duchy was long and complicated. As to the beginning of his political and military activity it was associated with the Belarusian city of Vitebsk.

Referring to the available sources, the author thoroughly examined the question of Olgierd's reign in Vitebsk. Apparently, the appearance of Olgierd in the city on the Dvina River actually stemmed from his marriage to the daughter of the local prince. However, there are serious doubts about the name of the princess (Maria) and the date of the marriage (1318), which are still widely accepted in historic literature. By all appearances, Olgierd gained a footing in Vitebsk as a result of Lithuanian military pressure on that city.

However, this conclusion does not contradict to the contraction of a dynastic marriage which opened the door to Olgierd's power in Vitebsk principality. There are evidences of sources that for some time Algirdas resided in a small town of Usvyat in the north of Vitebsk land. Despite the long reign in the Christian principality, Algirdas all that time remained a pagan and maintained close ties with Lithuania. Among his major achievements as the prince of Vitebsk was the construction of stone fortifications in the city.

Already during his Vitebsk reign Olgierd developed energetic activities in the north and north-east Russia. These activities particularly increased in 1341. At first Olgierd campaigned against the Livonian Germans to help Pskov and then at the request of Smolensk Prince Ivan made a campaign in the Muscovy Mozhaisk.

Along with the Vitebsk, Olgierd also owned a small principality of Kreva, received as an inheritance from his father, Gediminas, the Grand Duke of Lithuania. This was a very important part of the domains of Olgierd. Probably, from there he recruited the «Lithuania», which is so often mentioned in Russian chronicles with the relation to his campaigns in Russia. Namely during Olgierd's reign in Vitebsk the Lithuanian population appeared. In all likelihood, the Polish settlement also appeared resulting from Olgierd's activity. The latter included the captives of Olgierd's campaigns in the Polish lands. For example, it is known that in the 1530-ies Olgierd and his brothers carried out a series of successful campaigns in Mazovia.